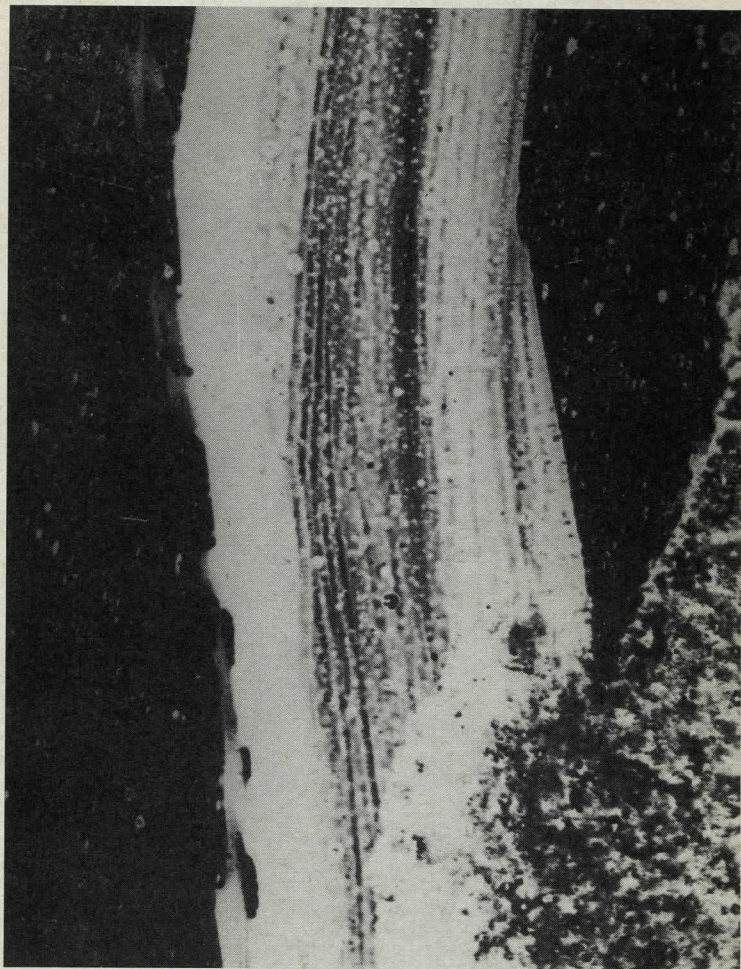

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ

СТИХИ

о **ПРИЧИНАХ**
ах

СПРУНА

Два осяа в обольях колымаги
Стой-верпи колес ни одного
Но спихи из жеваной бумаги
Не привлекай вниманья моего

Два орла крылами полно хлопнув
Вертолѣтом в облакѣ перѣшь

Устояла б траектория их лопнув
Шак крутила вдоль по проводу свистѣть

Две жены и обе ненавистных
Волокут возаѣ неба свой сосуа
Контуры их книг неолголистны:
Ни спасеня, ни Софии не спасут

Д.О. Черетажскому
на память /
от сочинителя.

Анри Волохонский
14.01.90

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ

СТИХИ О ПРИЧИНАХ

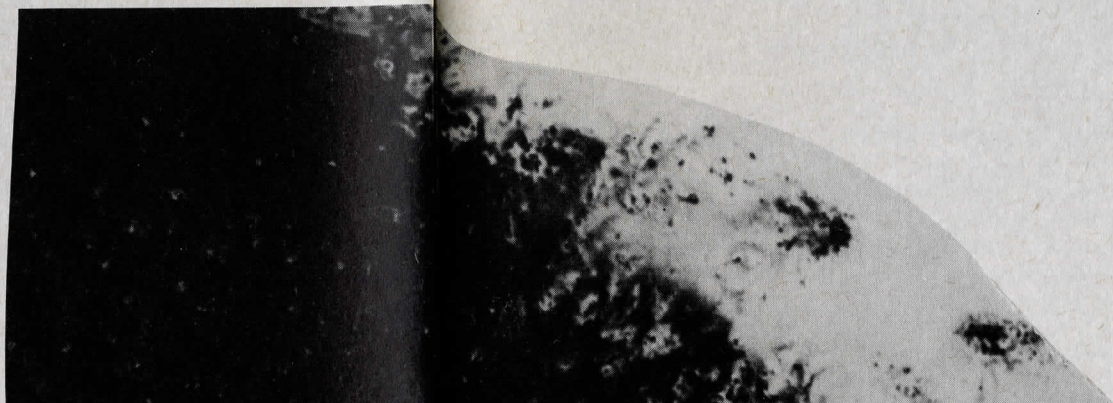
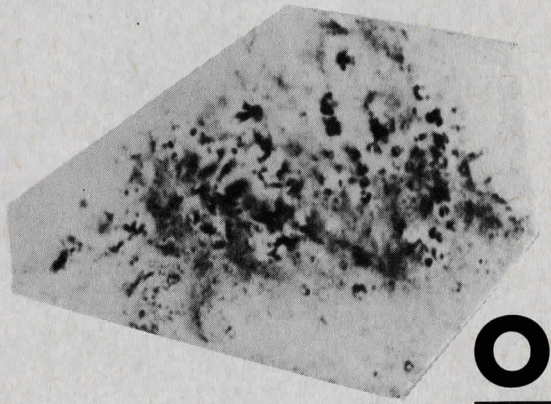
1989

СТРУНА

Два осла в ободьях колымаги
Стой-верти колес ни одного
Но стихи из жеваной бумаги
Не привлекли вниманья моего

Два орла крылами полно хлопнув
Вертолётom в облаке тереть
Устояла б траектория их лопнув
Так крутила б вдоль по проводу свистеть

Две жены и обе ненавистных.
Волокут возле неба свой сосуд
Контурь их книг недолголистны:
Ни спасенья, ни Софии не спасут

Почему она танцует?
Почему поет певец?
Почему причин и сует
Не уводит их вдовец?
Почему надежды тусклой
Душ сердца огнем горят?
Почему стезей искусной
Бродят, что ни говорят?
Почему инда Природа
Мать-материю трудов
Не препятствует уродам
Сыпать в образы удов?
Почему их мед на лире
Не удерживает съесть? -

Потому, что в этом мире
Сверхъестественное есть.

КОСМОС

Как легко верить в Бога, когда он сидит
В трехъярусном доме
Над трехэтажным подпольем

И мир созерцает
В окне своего чердака
И в мир вылетает
В окошко своей голубятни

Когда херувимы кругом барабанят
Архангелы хором поют
И ангел военный струну торжествующе щиплет

Легко в него верить
Когда иерархия мира ясна как сосна
И осень зимы словно летом весна

Если на маковке он
на макушке
на самой верхушке стальной
Но эта картина в последнюю голову мне показалась иной.

В нынешнем космосе нашем ведь нет уже почвы для

Божьего трона и грома

В черном просторе большом распылилась расселась земля

Солнце безлунной звездой укатилось к кому-то другому

Мало света пылцу в облака запустить умоля

Чистым безбожием кажется мне новый космос религии высшей

Только кометы там с мокрыми рылами рвутся вперед

Нет у них точки опоры - Вселенная низшей

Пыльной природой их серая сплошь словно траурный

тающий лед

Произросла, проросла, изобилует, веют нечистые лохмы

Нет помимо комет ничего - ни устоев, ни сфер костяных -

Полупарообразная грязь, и напрасно: "где Бог?" мы

Стали б вдруг вопрошать мы и спрашивать их

СТЕПЬ

Шелестит далекая трава

Слышатся в тиши слова родные:

Беспредельно нищая страна,

Где твои резцы и коренные?

Я смотрю в осиротелый рот:

Где концы твоих голодных десен?

Чахлой шелухи невпроворот

Выпало с плотин болотных сосен

Сладок дистрофический укус

На лугах империй гниловатых

Бьют фонтаны уксуса на вкус

Из ноздрей столпов продолговатых

Изгибом торс свой украсив кривой
Нагая ива над потоком шелестела
Какова ж была формула у этой кривой?
И что она этим сказать хотела?

Вон конь задирает узкий широкий нос
Подымает копыта и свистит хвостом
Что же общего в этом шелесте с тем
Которым нас ивовая порода одарила потом?

Интеллигенция наша тупа как пень
Ни на один из вопросов не отвечает, не может
Но на какую же она упадет ступень
Когда сама жизнь их число перемножит!

Оперевшись на один только шёпот лишь
Неотличим от бодрой лошади голос деревяшки
А она глядит лишь на эти признаки - ишь
Какие, однако, амбиции у бедняжки!

ПОРТРЕТ

В талии эта особа играла в лимон
Лоб заставлял хладнокровно судить о банане
Много плодов вроде груши оплакал Сезанн
По тротуару на полке ходил в коридор Модильяни

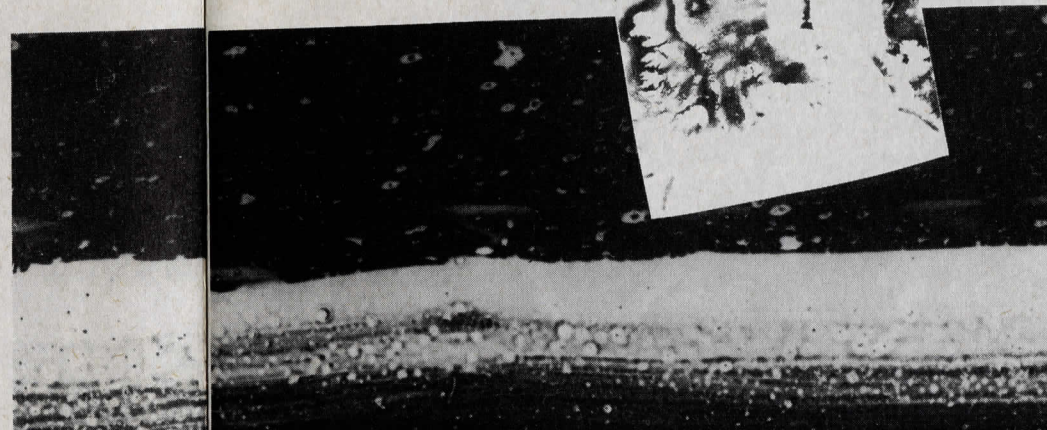
Сам собой вырастал яркой темени сад
Пышным хохлом уходила за маковку вышка
Зад у нее был отставлен немного назад
Впрочем была она сущая коротышка

Кусочек облака на ветке задержался
Я плакал. Лист зеленый в небе взмок.
Я слезы лил. Он мокрым оказался.
Ну б кто понять причину тут не смог?
Однако эти впечатления суть ложны:
Хоть и един источник влаг нам дан,
Но в истине столь часто видим ложь мы
Что чувств почти бездействует обман.
Секрет, положим, слёз моих рыдания
В обрывок тучи пусть развоплощен,
Но разве лист, лишённый обладанья
Своей природой, тут не оснащен
В какой-то вымысел? -

Довольно видов плотных

Потенья зелени без человеческих дум
И потому для слизей безработных
Ей ни поэт не нужен, ни колдун.

ИЗ ШИЦЗИН

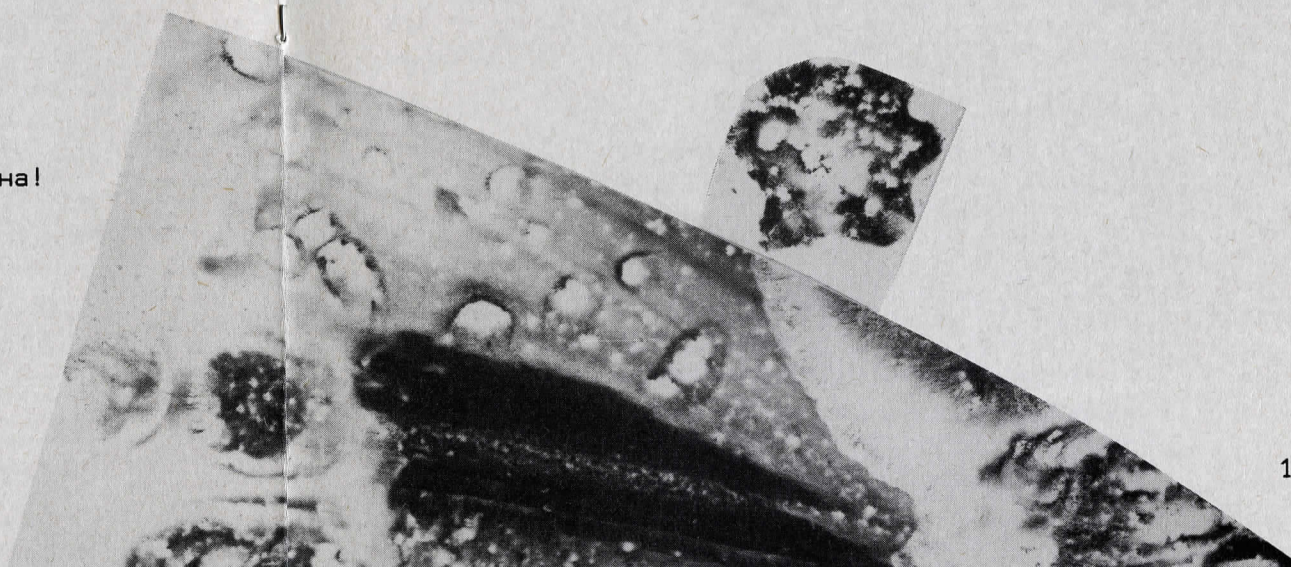
(Песни Главного Города)

Не пойду ли и я собирать коноплю?
Ведь любимой уж нету со мной
В одиночестве мухоморы коплю
Пропадаю в тоске неземной

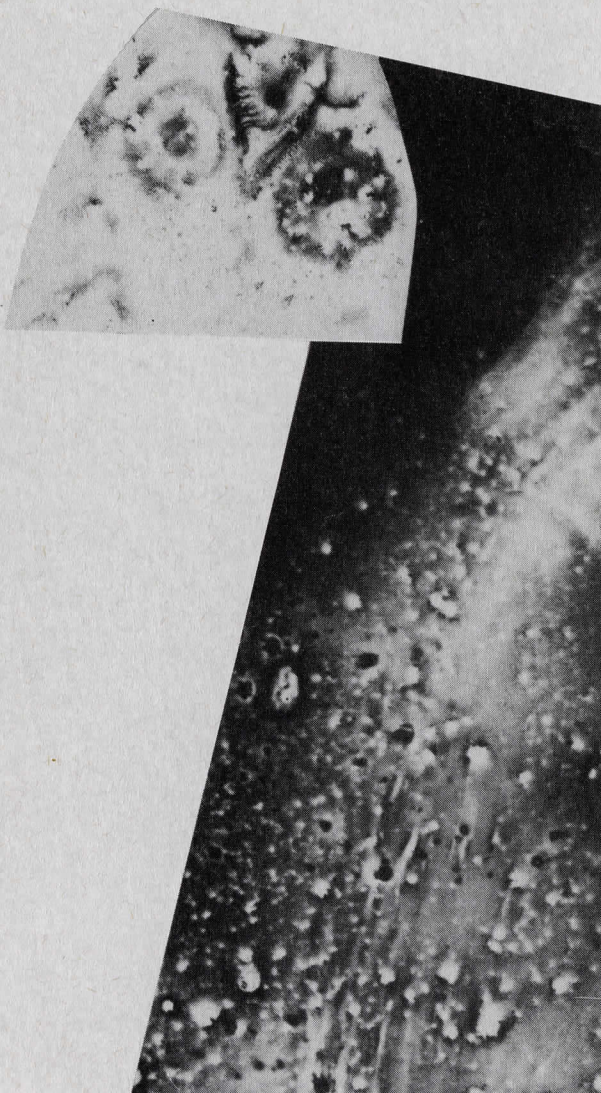
А ведь может иль мак шелушить мне пора
Раз уж сух шестопаловый цвет
Или попросту сесть на иглу на ура
Буде милой со мной уже нет

Волчий жмых, рыжий пестик – дурные врачи
А колес лекарь в дом не везёт
Волки воют под зайцем на лунной печи
И луна черепахой ползёт

Скоро тает гнила на язык белена
Мокнут в пене извивы ужей
– Эй, слуга, завари-ка мне, чайник, вина!
Скоро ночь и проходит уже

Так воздух рыл белую плоскость воды
Невысоким рельефом
И мужество человека
В детстве уже успевало считать

ПРОДАЖА АЛЯСКИ

Примерно в размере века
Больной человек в Европе
Обязан дурной привычкой
Азии жизни вольной
Всех хорошей торговля.

Шли, шли и шли
Плыли, плыли и плавали
И на Нового Света гравии
Третий Рим возникал третий
Да нахохленных крачек рвало
Упоенных морскою качкой

Форт Росс рос
На гальке за красной рыбой
Новый Архангельск в рост
На юг до Земли Калифа,
До Сандвичевой Инсуларии
Сивучи завывали
Кур курили Курилы куриц
Бить ластоногих хищных

Дел хорошей торговля:

Тарбаганы густые,
Хомяки во мхах хоровами
Да прямые бурундуки
Кувыркались в морях над водами
Там росомах стая
Грызли медведя грызли
Ростом с избу кодыак
Пёр по сопящим горкам
Стеллеровы коровы
Девоч китовых стригли
Рыбий пух да дельфиний мех
Мыл Корею за чай и сахар...
Крабы ныряли и раки и спрут
Уж моржовый был суп тут
Приправлен бобром-каланом
Эскимос, индеец и алеут
Лез на ель за бананом
Дрейфовал картонный лес
Взад-вперед на морях волнистых

Ты не плачь, камчадал лохматый
Яп-водой японской сахалинской!

Отчего замычали осы? -
Учим грамоте алеута:

Алеут нам - Аз да Буки
А мы ему - Боже, царя храни!
Мы опять ему - Аз да Буки
А он всё царя да царя храни...

С известной зрения точки
Наш человек в Гаване
Обезьяна в Аддис-Абебе
Повязан дурной привычкой
Сырым сырьевым придатком
К собачьему сердцу макаки.

Царьиной бронзы доски
Сплошь в бирюзу соптели
Кати орленыш медный
Стек во ртуть малахитом
За семь (шесть нулей) грошей
Монеты Восточных Штатов
Всех-то и дел торговля
Да не плачь ты, курил мохнатый!

Вот и спустили флаги
Вот и спустили в прорубь
Экспедицию эту кунью
Алеуты онеграмотели

За взрослыми деда и дети
Коты, коняги и айны
Да тюлени под круглым солнцем
В морскую собаку играют

Сахалинянин сивый

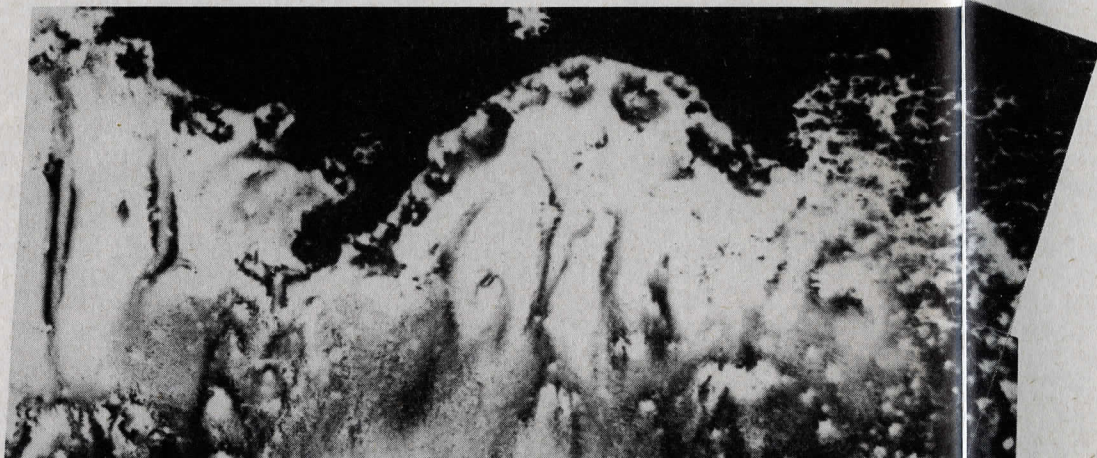
ПЕРЕВОД

Любой текст является переводом
С языка мысли на язык речи
Переводы же с языка чужой речи
Являются текстами собственной мысли
Об этой речи.

Поэтому перевод заведомо оригинален
Когда оригинален его известный автор
Оригинальность же автора оригинала
Имеет к переводу лишь косвенное касание
В плоскости выбора автора автором.

Он и неточен, и по той же причине
(Это я продолжаю о переводах)
По которой он намного точнее
Подлинника, столь же неточного
Сколь его подлинный перевод.

Рукопись автора спит в переводчике
А вернее бодрствует, но спит автор -
Творец, который бодрствует вечно:
Над собственным созданием собою же бдит
Которое дремлет увы однако.

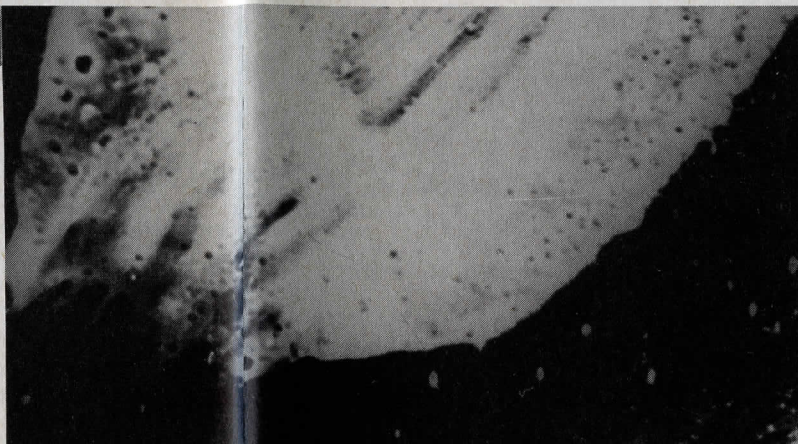
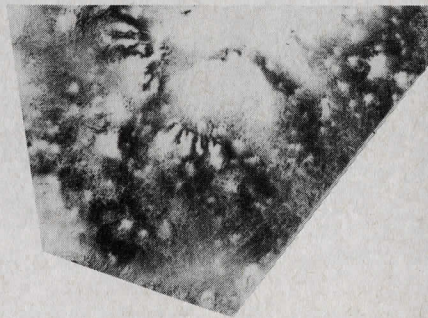

МОРЯ ПОЭЗИИ

Моря как тысячи удонов кислых
Волнуются подвижными хохлами

Как тысячи одних удонов кислых
Беснуются крылатые хохлами

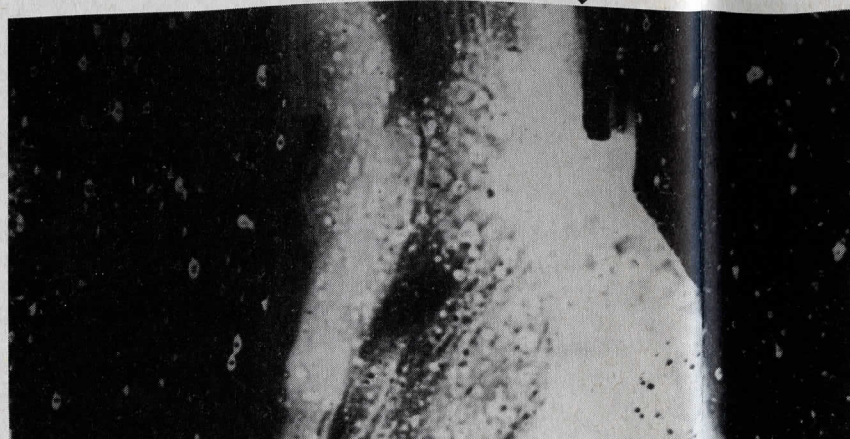
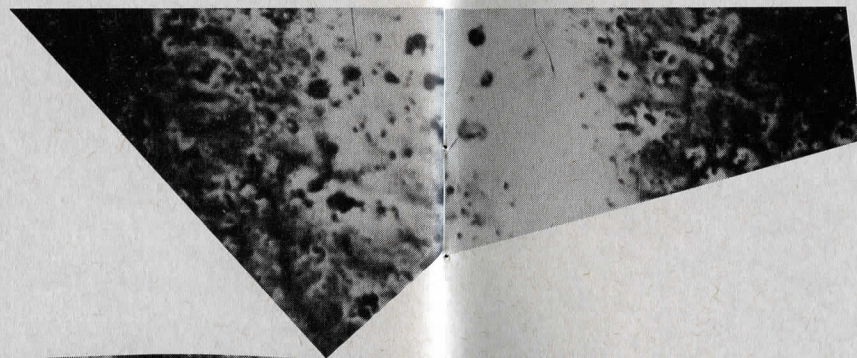
Моря поэзии подвижными хохлами
Шевелят как стада удонов кислых

Анри Волохонский
СТИХИ О ПРИЧИНАХ
ОДЕЛ КНИЖКУ
Алексей Хвостенко
КАЛЛИГРАФИЯ
ЛЕТЧИКА ПОЛЕВА

сТи

и

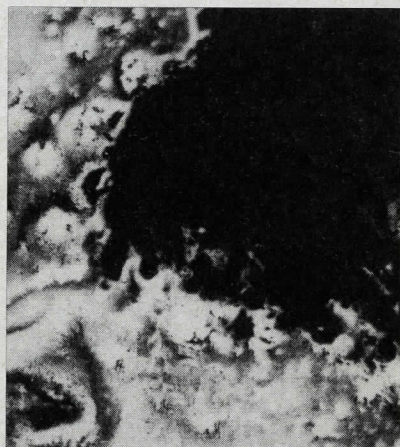

Спеть

Шелестит далёкая ПРАВА
Слышится в тиши слова РОДНЫЕ:
Беспредельно нищая СПРАВА,
Где пьют резцы и коренные ?

Я смотрю в осиротевший рот:
Где концы твоих голодных ЛЕСН ?
Чахлой шелухи невпроворот
Выпало с плошин БОЛОПНЫХ СОСЕН

Сладок диспрофический укус
На лугах империй гниловатых
Бьют фонтаны уксуса НА ВКУС
Из ноздрей СПОЛПОВ ПРОДОЛГОВАТЫХ

ВЫМЫСЕЛЬ